DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03

"КВАД 2.0": ЧЕТЫРЕХСТОРОННИЙ ДИАЛОГ ДЛЯ КОНТРБАЛАНСИРОВАНИЯ КНР В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

А.В. Худайкулова, М.С. Рамич

ХУДАЙКУЛОВА Александра Викторовна, кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем, МГИМО МИД России, Москва, email: Alexandra_77@mail.ru;
РАМИЧ Мирзет Сафетович, аспирант кафедры теории и истории международных отношений, РУДН, Москва, email: ramich_ms@mail.ru

Худайкулова А.В., Рамич М.С. "Квад 2.0": четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе. – Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 23-43. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.03

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта №19-011-31389 "Традиционные и восходящие центры силы: дискуссии относительно суверенитета и управления конфликтами".

Статья поступила в редакцию: 01.12.2019. Принята к публикации: 25.12.2019

Аннотация. "Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион" (ИТР) – это внешнеполитическая концепция США, реализация которой началась с приходом администрации Д. Трампа и активно форсируется в настоящее время. В американском исполнении концепт имеет ярко выраженную геостратегическую направленность с опорой на крупнейшие региональные державы – Японию, Австралию и Индию, которые одновременно выступают партнерами США. Несмотря на имеющиеся различия в оценке приоритетных векторов формирования новой региональной структуры безопасности, "четверка" (Quad, "Квад") обеспокоена растущим экономическим влиянием и потенциальным военным доминированием КНР не только в АТР, но и в Индийском океане. В этой логике фактор сдерживания китайского мощи и поддержание регионального баланса сил является первоосновой нового четырехстороннего диалогового формата по вопросам безопасности в ИТР. На данный момент концепт ИТР только получает свое институциональное оформление. При этом устоявшийся тренд на укрепление экономической и военно-политической взаимосвязи между участниками диалога, вне зависимости от их в*и*дения формата и темпов реализации ИТР, поступательно развивается. В подобных условиях проблематика развития ИТР и перспективы дальнейшего формирования "Бриллианта безопасности" будут оставаться в центре приоритетной повестки, тем более что спада американо-китайской напряженности ожидать не приходится. В статье анализируется становление ИТР в качестве нового геополитического региона, рассматриваются изменения в доктринальных документах и динамика двусторонних связей между членами "Квад", а также предлагается прогноз по оформлению новой региональной системы безопасности.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, АТР, Квад, США, Австралия, Индия, Япония, сообщество безопасности, баланс сил, федеративная модель обороны, мини-сторонность, Морской шелковый путь, стратегическое сдерживание.

Если в начале XXI в. в отношениях с Китаем США еще делали ставку на политику "вовлечения", "трансформационную дипломатию" (инициатива госсекретаря К. Райс 2006 г.) и возможность формирования G2 при главенствующей роли американцев, то к 2010-м годам они стали все больше переходить к стратегическому сдерживанию КНР. В этом контексте следует

рассматривать наступление "Тихоокеанского века Америки" [Clinton 2011], разворот (*pivot*) США в сторону Азии и политику "перебалансировки" (*rebalancing*, 60% американского флота ныне находится в регионе) для "восстановления равновесия в АТР". В экономической сфере это заключалось в создании исключающего Китай торгового мегаблока – Транстихоокеанского партнерства (ТТП) *(Trans-Pacific Partnership, TPP)*.

Приход Д. Трампа ознаменовал отказ от "либерального интервенционизма" Б. Обамы, выход США из ТТП, бо́льшую опору на региональные державы для обеспечения международной безопасности. Новыми инструментами американской политики сдерживания КНР стала концепция "Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона" (ИТР), а также создание четырехстороннего диалога (США, Япония, Индия, Австралия), получившего название "Квад" (*Quadrilateral Security Dialogue*) или "Бриллиант безопасности" [Локшин 2018]. В рамках федеративной модели обороны (*federated defence*) США вовлекают три региональных державы в противодействие КНР, потворствуя их лидерским амбициям в ИТР и стимулируя увеличение расходов на выполнение соответствующих задач.

МЕТОДОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Формирование Индо-Тихоокеанского региона можно представить через призму теории комплекса региональной безопасности, разработанной представителями Копенгагенской школы Б. Бузаном и О. Вейвером [Buzan, Wæver 2003]. Выделение ИТР с геостратегической точки зрения позволяет в рамках одного мегарегиона расположить крупнейших поставщиков энергоносителей (страны Персидского залива) и крупнейших мировых производителей (страны Восточной Азии) [Лебедева 2018]. Контроль над путями доставки энергоресурсов из Персидского залива в Восточную Азию – основа стратегического сдерживания КНР. На нынешнем этапе, пока потенциал глобального развертывания китайского флота недостаточен, необходимость контроля Индийского океана обосновывается угрозой блокирования Ормузского пролива иранцами. При этом отмечается, что в перспективе, после решения тайваньского вопроса, КНР сможет высвободить свой военный флот и перенаправить его в Индийский океан [Green, Shearer 2012].

В свою очередь, создание "квартета безопасности" в рамках американской "большой стратегии" – это классический пример балансирования в русле реалистской традиции [Waltz 1979], когда укрепление КНР стимулирует формирование антикитайской коалиции с учетом фактора географической близости [Walt 1987] к "новому гегемону". Призыв Д. Трампа к евроатлантическим союзникам на 70-м саммите НАТО в декабре 2019 г. коллективно сдерживать КНР[1] – это свидетельство того, что американское контрбалансирование не ограничивается только ИТР. Неформальный характер создаваемого альянса, негласность целого ряда соглашений, а также начальный период формирования "Квад" затрудняет проведение исследования с применением традиционного инструментария (например, оценку относительных и абсолютных выгод), характерного для анализа международных военно-политических альянсов [Истомин 2017].

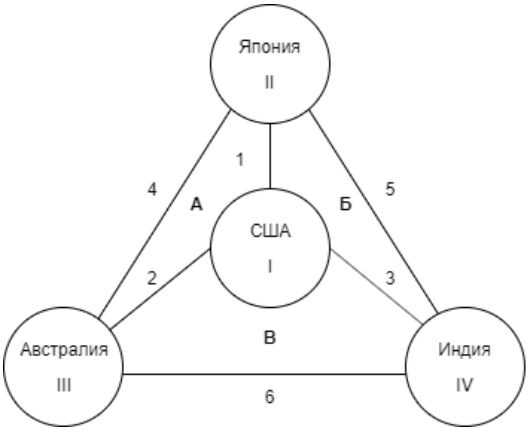
[1] *Remarks by President Trump and NATO Secretary General Stoltenberg After 1:1 Meeting.* London, UK. 03.12.2019. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-nato-secretary-general-stoltenberg-11-meeting-london-united-kingdom/ (accessed 04.02.2020).

На тактическом (инструментальном) уровне усилия США по формированию регионального "сообщества безопасности" (*Security Community*) можно интерпретировать в контексте одноименной работы под ред. Э. Адлера и М. Барнетта [Security Communities... 1998], написанной на стыке неолиберального институционализма и конструктивизма. США пытаются сформировать у стран "Квад" чувство общей идентичности, ценностей и смыслов, развивая сотрудничество сначала в гуманитарной сфере и постепенно смещаясь в сторону *casus foederis* для переформатирования системы международных отношений в регионе [Переформатирование системы... 2018; 2019]. При этом от сугубо двусторонних отношений они последовательно переходят к треугольному взаимодействию и собственно к "квартету безопасности" (см. рис.), что является примером клубной дипломатии (ряд экспертов говорит о некоторой аналогии с БРИКС[2]) или так называемого формата *мини-сторонности* (*mini-lateral*)[3].

Рисунок (Figure)

Анализ "треугольника влияния" США в ИТР

Analysis of the "Triangle of Power" of USA in Indo-Pacific Region



Мини-сторонность ("узкая многосторонность", мини-многосторонность, мини-латерализм, многосторонность *à la carte*) – это новая форма мультилатерализма в постгегемонистскую эпоху, набирающая силу по мере того, как США для сохранения своего лидерства не могут опираться на столь широкую коалицию государств как ранее, ведь часть из них все больше ориентируется на КНР. С точки зрения становления политического дискурса, это разумный компромисс между декларируемой политикой Д. Трампа по радикальному отказу от либерального миропорядка и невозможностью продвижения серьезных международных инициатив сугубо в двустороннем формате[4]. При

[2] Торопчин Г. Quo vadis, Quad? – *РСМД*. 28.01.2020. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/quo-vadis-quad-istoriya-i-perspektivy-chetyryekhugolnika/?sphrase_id=34263547 (accessed 04.02.2020).

[3] Употребление термина на русском языке именно в таком переводе встречается, например, в докладе Валдайского клуба С. Патрика [Патрик 2015: 3].

[4] Brummer Ch. Populism's Minilateral Foreign Policy. – *Huffington Post*. 02.06.2017. URL: https://www.huffpost.com/entry/populisms-minilateral-foreign-policy_b_59318304e4b00573ab57a2ba?guccounter=1 (accessed 04.02.2020).

том что этот термин в последние годы набирает популярность в зарубежной науке [Brummer 2014; Patrick 2014][5], он пока не получил должного развития в отечественных исследованиях клубной дипломатии.

Для анализа формирующейся структуры четырехстороннего диалога в статье показана эволюция национальных стратегий в вершинах фигуры, в том числе в I (США), II (Японии), III (Австралия) и IV (Индия). Национальные стратегии оцениваются на предмет восприятия концепта ИТР (используется частотный контент-анализ) как первоначального индикатора формирования общей идентичности, а также упоминания формата "четырехугольника безопасности" в явном ("Квад") или неявном видах.

После этого оцениваются все шесть *диад*, так называемых двусторонних треков взаимодействия между ее участниками, в том числе с участием США: *(1) США – Япония, (2) США – Австралия, (3) США – Индия, – а также региональных участников между собой: (4) Австралия – Япония, (5) Япония – Индия, (6) Австралия – Индия* (см. рис. 1). Особое значение в контексте формирования "сообщества безопасности" уделяется сотрудничеству в рамках треугольников с участием США, в том числе с Австралией и Японией (*А*), с Японией и Индией (*Б*), с Австралией и Индией (*В*), а также, собственно, в рамках "четверки". В заключение делается вывод о роли "Квад" и перспективах его дальнейшей институционализации.

Проблематика, рассматриваемая в статье, нашла частичное отражение в трудах российских исследователей по Восточной и Южной Азии [Богатуров 1997; Канаев, Шумкова 2017; Каримова 2019; Кистанов 2018; Куприянов 2018, 2019; Лебедева 2018; Локшин 2018; Панов, Нелидов 2018; Стрельцов 2018; Чугров 2008], а также в работах американистов [Истомин 2019; Лексютина 2019] и др. Из зарубежных работ стоит отметить труды американских экспертов из Центра стратегических и международных исследований [Green, Shearer 2012; Green, Hicks, Copper 2014], из Военно-морского колледжа США, Центра Стимсона [International Disaster... 2019]; ряда индийских ученых [Khurana 2007; Thankachan 2017; Gopal 2017], австралийских экспертов, особенно Р. Медкалфа [Medcalf 2014]. Особое внимание уделяется анализу программных выступлений и статей Д. Трампа, С. Абэ и других политических деятелей, а также доктринальных документов четырех стран.

У ИСТОКОВ "КВАД"

Как и в случае с ТТП, инициатива "Квад" первоначально шла от самих стран региона, но впоследствии была признана отвечающей соображениям национальной безопасности США и поддержана в Вашингтоне, что и предопределило ее дальнейшее поступательное развитие. Важной предпосылкой создания квартета также послужили Трехсторонний стратегический диалог США – Япония – Австралия (*треугольник А*), учрежденный в 2002 г. и к 2005 г. переведенный на министерский уровень, и *ad hoc* группа "четверки" (*Core Group*), сформированная для ликвидации последствий цунами в Индийском океане, которое было вызвано подводным землетрясением 26 декабря 2004 г. у берегов Юго-Восточной Азии и стало причиной огромных разрушений.

Региональные импульсы. На экспертном уровне идея формирования единого геостратегического пространства Индийского и Тихого океана с опорой на

[5] Naim M. Minilateralism. The Magic Number to Get Real International Action. – *Foreign Policy*. 21.06.2009. URL: https://foreignpolicy.com/2009/06/21/minilateralism/ (accessed 04.02.2020).

Индию, Австралию с Новой Зеландией и Китай с Японией прорабатывалась еще в конце 1990-х годов в Японии и Индии [Лебедева 2018: 402], а также в ряде более ранних геополитических построений [Каримова 2019; Стрельцов 2018; Medcalf 2014]. На официальном уровне впервые она была озвучена японским премьером С. Абэ в 2007 г. во время его выступления в индийском парламенте, и предполагала "Слияние двух морей" (Индийского и Тихого океана), создание "Дуги стабильности и процветания" в Евразии и формирование "большой Азии"[6]. 24-25 мая 2007 г. "на полях" Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ) прошла неформальная встреча глав "четверки" на уровне официальных представителей МИД, проведение которой было согласовано во время визита в Токио вице-президента США Д. Чейни в феврале 2007 г.

Однако создание "Квад 1.0" не получило дальнейшей поддержки по ряду причин [Hosoya 2019: 20-21]. Накануне встречи "четверки" Китай заявил, что в АТР предпринимается попытка создания "азиатского НАТО". МИД КНР не замедлил направить ноты протеста каждой из стран, участвующих в диалоге[7]. Вскоре С. Абэ ушел в отставку, новый премьер Я. Фукуда был больше настроен на сотрудничество с КНР, как и новый премьер-министр Австралии К. Радд. Вместе с этим на тот момент отсутствовала теоретическая база, обосновывающая необходимость такого сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе. Основной причиной провала "Квад 1.0" стало отсутствие заинтересованности в этом формате как со стороны лиц, отвечающих за принятие внешнеполитических решений, так и со стороны экспертного сообщества. Бо́льшая часть исследовательских работ, посвященных ИТР, была выпущена в 2010-е годы, что позволило снова обратить внимание политиков на проблему регионального сотрудничества и возродить идею создания четырехстороннего формата взаимодействия.

В 2007-2012 гг. идея формирования ИТР и "Квад" как каркаса новой архитектуры безопасности стала прорабатываться в академических кругах. В 2007 г. индийский исследователь Г. Хурана в статье использовал термин "Индо-Тихоокеанский регион" [Khurana 2007]. В 2010 г. вышла в свет монография Р. Каплана о роли Индийского океана в обеспечении национальной безопасности США [Kaplan 2010], написанная в традиционном геополитическом ключе и переведенная на русский язык [Каплан 2015]. Тогда же был опубликован доклад по ИТР М. Ослин (Американский институт предпринимательства), а в 2011 г. – доклад Р. Медкалфа [Hosoya 2019: 21-22; Medcalf 2014]. В 2012 г. вышли статьи Д. Скотта о геостратегическом значении ИТР [Scott 2012] и М. Грина [Green, Shearer 2012] о роли "Квад" для стратегического балансирования Китая.

В 2012 г. идея формирования "Квад" для контроля над ИТР стала возвращаться в официальный политический дискурс. Накануне парламентских выборов в Японии в 2012 г. премьер-министр С. Абэ опубликовал небольшой комментарий, в котором предлагалось сформировать в АТР четырехстороннюю структуру безопасности с участием Японии, Австралии, Индии и США

[6] "Confluence of the Two Seas". Speech by Prime Minister Shinzo Abe at the Parliament of the Republic of India. – *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. 22.08.2007. URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/pmv0708/speech-2.html (accessed 18.10.2019).

[7] Nicholson B. China Warns Canberra on Security Pact. – *The Age*. 15.06.2007. URL: https://www.theage.com.au/national/china-warns-canberra-on-security-pact-20070615-ge54v5.html (accessed 30.10.2019).

под общим названием – "азиатский демократический бриллиант безопасности"[8]. Подобная структура должна была служить сдерживающим фактором, чтобы не допустить превращения Южно-Китайского моря в "Пекинское озеро" (*Lake Beijing*)[9]. В июне 2012 г. министр обороны Австралии С. Смит в ходе "Диалога Шангри-Ла", и позднее в 2013 г., презентуя Белую книгу Австралии по обороне, неоднократно говорил о роли ИТР в обеспечении региональной безопасности [Scott 2012: 85-86].

Наконец, в 2016 г. в Кении, на шестом саммите "ТИКАД" (Токийская международная конференция по африканскому развитию) С. Абэ заявил, что Япония несет ответственность за содействие слиянию Индийского и Тихого океанов в новое политическое пространство, которое объединит Азию и Африку[10]. Фактически Япония "вышла на оперативный простор", а инициатива по масштабности замысла (два континента и два океана) стала конкурировать с китайским "Морским шелковым путем", так как зона ее реализации накладывается на транспортные маршруты, создаваемые Китаем из Азии в Африку и Европу [Кистанов 2018]. При этом сам С. Абэ неоднократно высказывался за поддержку проекта "Один пояс – один путь", и в целом с 2014 г. успешно выстраивает сотрудничество с Си Цзиньпинем [Hosoya 2019: 24]. КНР в свою очередь заявляет, что Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и другие инфраструктурные проекты КНР не конкурируют с проектами Азиатского банка развития, а дополняют их.

Федеративная модель обороны. Еще до избрания Д. Трампа США стали прорабатывать вопрос сохранения своего лидерства с большей опорой на региональные силы. Это и вошедшая в оборот концепция "лидерство из тыла" (*leading from behind*), в основе которой заметка гарвардского профессора Л. Хилл[11], сравнивающая лидера с пастухом овец и позволяющая обеспечить "умное сдерживание" КНР с опорой на региональные державы. Это и "принципиальная сеть безопасности" (*principled security network*) в АТР министра обороны США (2015-2017 гг.) Э. Картера, о которой он говорил на 15-м "Диалоге Шангри-Ла" в Сингапуре[12]. Совершенно справедливым представляется комментарий российского востоковеда А. Цветова о том, что США могут стать "соединяющим клеем нового-старого формата" "Квад"[13].

В 2014-2016 гг. Центр стратегических и международных исследований активно разрабатывал модель федеративной обороны США "с целью оценки и выработки конкретных рекомендаций для Соединенных Штатов и их парт-

[8] Abe Sh. Asia's Democratic Security Diamond. – *Project Syndicate*. 27.12.2012. URL: https://www.project-syndicate.org/onpoint/a-strategic-alliance-for-japan-and-india-by-shinzo-abe?barrier=accesspaylog (accessed 18.10.2019).

[9] Ibidem.

[10] *Address by Prime Minister Shinzo Abe at the Opening Session of the Sixth Tokyo International Conference on African Development (TICAD VI). – Ministry of Foreign Affairs of Japan*. 27.08.2016. URL: https://www.mofa.go.jp/afr/af2/page4e_000496.html (accessed 18.10.2019).

[11] Hill L. Leading from Behind. – *Harvard Business Review*. 05.05.2010. URL: https://hbr.org/2010/05/leading-from-behind (accessed 18.10.2019).

[12] Asia-Pacific's Principled Security Network. Secretary of Defense. – *The Medium*. 04.06.2016. URL: https://medium.com/@SecDef/asia-pacifics-principled-security-network-b73204f2a3f2 (accessed 18.10.2019).

[13] Цветов А. Индо-Тихоокеанский фронт: зачем на геополитической карте появился новый регион и что это сулит России? – *Московский Центр Карнеги*. 22.03.2018. URL: https://carnegie.ru/commentary/75706 (accessed 18.10.2019).

неров для интеграции своих оборонных возможностей в поддержку общих интересов”[14]. Важным направлением в рамках данного проекта стала модель федеративной обороны в Азии, которую исследовали М. Грин и соавторы [Green, Hicks, Cooper 2014].

После окончания Второй мировой войны США сформировали в Азии сеть альянсов, включающую Японию, Республику Корея, Австралию, Филиппины, Таиланд. Для укрепления безопасности также выстраивался диалог с такими партнерами, как Индия, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Тайвань и Вьетнам. С ними регулярно проводятся совместные учения; кроме того, навыки взаимодействия в сфере обеспечения безопасности отрабатывались в ходе кризисных ситуаций, например, в 2004-2005 гг., во время устранения последствий цунами [Rai 2018: 138-139]. Происходит обмен разведывательными данными, а также участие в программах военно-технического сотрудничества [Green, Shearer 2012]. Проведенный американскими исследователями анализ показал, что в наибольшей степени стороны готовы к сотрудничеству по вопросу оказания гуманитарной помощи [International Disaster... 2019].

В наименьшей степени это касается противодействия КНР в его политике ограничения доступа в Восточно- и Южно-Китайском морях (ЮКМ) (введение зон *Anti-Access/Area Denial*, A2/AD). Ряд стран, имеющих достаточный военный потенциал для этого (например, РФ) по политическим причинам не готовы к этому, ряд стран не имеют достаточного военного потенциала, у них не развиты ни подводный флот, ни ВВС, ни другие важные компоненты вооруженных сил. Готовы к сотрудничеству с США по всем выделенным направлениям (по мнению американцев) лишь четыре страны (в таблице это затемненные строки): Австралия, Индия, Япония (т.е. участники “Квад”), а также Р. Корея. Однако Р. Корея находится в одном субрегионе (Северо-Восточная Азия) с Японией, поэтому включение ее в координирующую структуру нецелесообразно. Индия присутствует преимущественно из-за геостратегического положения, хотя ее военно-морской потенциал по ряду направлений даже меньше, чем у Р. Кореи или Тайваня [Pant, Rej 2018: 50]. Готовность противодействовать КНР в ЮКМ носит скорее вербальный характер – лишь США в 2017-2019 гг. провели более десяти так называемых операций по свободе судоходства (*Freedom of navigation operations, FONOP*), остальные страны “Квад” не рискнули к ним присоединиться [Choong 2019: 7].

С оперативной точки зрения переход от АТР к ИТР в системе военного планирования США не вносит принципиальных изменений, хотя с мая 2018 г. вместо Тихоокеанского командования ВС США (*USPACOM*) создано Индо-Тихоокеанское командование (*USINDOPACOM*). Однако зона его ответственности остается прежней – от Индии до восточной части Тихого океана (*“от Болливуда до Голливуда”* в трактовке бывшего главкома Г. Гарриса [Pant, Rej 2018: 53]), с включением третьего и седьмого флотов ВМС США. Примечательно, что в речи Х. Клинтон о “тихоокеанском веке США” речь идет об АТР, “растянувшемся от индийского субконтинента до западных берегов Америк” и охватывающем два океана – Индийский и Тихий [Clinton 2011].

Администрация Д. Трампа фактически вывела из обихода термин АТР, заменив его Индо-Тихоокеанским регионом. Во время выступления на сам-

[14] Federated Defense Project. – *Center for Strategic and International Studies.* URL: https://www.csis.org/programs/international-security-program/global-threats-and-regional-stability/federated-defense (accessed 18.10.2019).

мите АТЭС в Дананге (Вьетнам, 2017 г.) американский президент впервые официально озвучил идею создания новой конструкции безопасности в рамках "открытого и свободного Индо-Тихоокеанского региона"[15]. В эти же дни в Маниле, "на полях" саммита АСЕАН прошла встреча лидеров "Квад"[16]. В январе 2018 г. "на полях" "диалога Райсина" в Дели прошла встреча главнокомандующих ВМФ стран-участниц "Квад". В общей сложности в 2017-2019 гг. прошло не менее пяти встреч "четверки". Последняя состоялась 26 сентября 2019 г. на "полях" ГА ООН.

Взаимодействие стран-участниц "Квад" охватывает не только обеспечение региональной безопасности, но и противодействие усиливающейся экономической и инфраструктурной зависимости от КНР [Thankachan 2017]. Однако для всех членов "Квад" КНР является крупнейшим торговым партнером, поэтому данное направление противодействия носит явно запоздалый, реактивный характер [Gopal 2017]. "Антикитайская коалиция" может создавать альтернативные КНР транспортные хабы, либо брать под свой экономический контроль ряд элементов инфраструктуры в создаваемых Китаем хабах[17], либо увеличивать расходы на обеспечение безопасности при реализации инфраструктурных проектов, как это происходит, например, в Гвадаре (Пакистан) [Khudaykulova 2019].

ИЗМЕНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ

Термин "Индо-Пацифика" не только активно входит в официальный и академический дискурс, но и последовательно имплементируется во все основные доктринальные документы США и других стран-участниц "Квад".

США (I). В Стратегии национальной безопасности США от 2017 г. особый акцент сделан на безопасности в ИТР – фактически, это первый географический приоритет. Отмечается, что США будут "искать возможности усиления четырехстороннего сотрудничества с Японией, Австралией и Индией"[18]. Указываются и другие союзники в регионе (Р. Корея, три члена "Квад" по отдельности и Новая Зеландия), а также партнеры из числа стран АСЕАН. В качестве направлений противодействия китайской экспансии отмечается политическая сфера, экономическая и военная (безопасность). В таком же ключе мыслят авторы Стратегии национальной обороны (2018 г.), утверждающие, что "Китай использует свою военную модернизацию, которая ставит своей целью добиться региональной гегемонии в Индо-Тихоокеанском регионе". Обеспечение благоприятного баланса сил в ИТР является первым региональным приоритетом. О "Квад" напрямую не говорится, но отмечается, что

[15] Remarks by President Trump at APEC CEO Summit. – *The White House.* 10.11.2017. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/ (accessed 18.10.2019).

[16] Australia-India-Japan-U.S. Consultations on the Indo-Pacific. US State Department, Press Statement, Heather Nauert, Department Spokesperson. – *U.S. Department of State.* 12.11.2017. URL: https://www.state.gov/australia-india-japan-u-s-consultations-on-the-indo-pacific/ (accessed 18.10.2019).

[17] Australia, U.S., India and Japan in Talks to Establish Belt and Road Alternative: Report. – *Reuters.* 19.02.2018. URL: https://www.reuters.com/article/us-china-beltandroad-quad/australia-u-s-india-and-japan-in-talks-to-establish-belt-and-road-alternative-report-idUSKCN1G20WG (accessed 18.10.2019).

[18] National Security Strategy of the United States of America. – *The White House.* 2017. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf (accessed 18.10.2019).

альянсы и партнерства в регионе будут усилены посредством формирования "сетевой архитектуры безопасности" (*networked security architecture)*[19].

Помимо основных доктринальных документов, только за 2019 г. появилось два стратегических доклада (Пентагона и Госдепа), посвященных ИТР. В докладе Пентагона подчеркивается приоритетность ИТР и поддержка усилий по возобновлению "четырехсторонних дипломатических консультаций" ("Квад"), которые проводились трижды с ноября 2017 г. Отмечается, что в своей деятельности "Квад" исходит из центральности АСЕАН и нацелен на развитие партнерства в треугольнике Япония – Индия – Австралия (*Г*). Среди сфер деятельности – поддержание "основанного на правилах порядка в ИТР", увеличение связанности (т.е. развитие инфраструктуры) "согласно международному праву и стандартам", а также антитеррор и обеспечение морской безопасности[20].

В докладе Госдепа несколько раз упоминается "Квад", подчеркивается, что в сентябре 2019 г. в ходе встречи "на полях" ГА ООН уровень взаимодействия впервые повышен до министерского и это "новая важная веха для дипломатического взаимодействия США с регионом". В ходе встречи обсуждались сотрудничество в сфере обеспечения морской безопасности, строительство качественной инфраструктуры и региональной связанности, а также антитеррор и кибербезопасность. Отмечается, что вооруженные силы стран "Квад" совместно тренируют африканских миротворцев. То есть в задачи "Квад" входит сдерживание КНР не только в ИТР, но и в Африке. В данной стратегии также делается оговорка насчет АСЕАН – это организация выступает "основой (*backbone*) для региональных дискуссий в области политики и безопасности, в то время как форматы "мини-сторонности" позволяют более оперативно координировать действия 'мыслящих одинаково' партнеров". К таким форматам отнесены Трехсторонний стратегический диалог (США – Япония – Австралия), встречи в формате США – Япония – Индия (прошли в ноябре 2018 и июне 2019 гг.), а также "Квад" [21].

В целом определившись с параметрами военного сдерживания КНР, США пока не конкретизировали шаги по экономическому противодействию Китаю, в том числе в Африке[22]. По состоянию на конец 2019 г. Финансовая корпорация по международному развитию (*United States International Development Finance Corporation*) с планируемым объемом инвестиций в 60 млрд долл. США находится на этапе создания.

---

[19] *Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge.* URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf (accessed 09.11.2019).

[20] Indo-Pacific Strategy Report. Preparedness, Partnerships, and Promoting a Networked Region. US Department of Defense. – *Department of Defence.* 01.06.2019. URL: https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF (accessed 09.11.2019).

[21] Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision. – *U.S. Department of State.* 04.11.2019. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf (accessed 09.11.2019).

[22] Remarks by National Security Advisor Ambassador John R. Bolton on the Trump Administration's New Africa Strategy. – *The White House.* 13.12.2018. URL: https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-national-security-advisor-ambassador-john-r-bolton-trump-administrations-new-africa-strategy/ (accessed 09.11.2019).

Япония (II). При определении оборонной политики Японии в 2011 г. отмечалась необходимость выстраивания многоуровневого (*multi-layered*) сотрудничества в сфере безопасности. В качестве приоритетных партнеров указывались США, затем – Р. Корея и Австралия, далее – АСЕАН, а после отмечалось, что Япония будет усиливать сотрудничество с Индией и другими странами, "которые разделяют общие интересы в обеспечении безопасности морской навигации от Африки и Ближнего Востока до Восточной Азии"[23]. То есть "Квад" и Индо-Пацифика эксплицитно не фигурировали, но были обозначены контуры структуры с участием Индии, которая будет отвечать за контроль морских путей в Индийском и Тихом океане.

В 2013 г. по инициативе премьер-министра С. Абэ со второй попытки (первая, как и с "Квад", была в 2006-2007 гг.) был создан Совет национальной безопасности страны и в декабре принята первая Стратегия национальной безопасности, что является свидетельством перехода страны к политике "активного пацифизма"[24]. В данном документе также не фигурирует ИТР, но отмечена важность контроля морских коммуникаций от Персидского залива, Ормузского пролива, Красного моря и Аденского залива до берегов Японии, "проходящих через Индийский океан, Малаккский пролив и ЮКМ". Список партнеров по обеспечению безопасности тот же: США, Р. Корея, Австралия, АСЕАН и Индия. Но помимо ряда региональных организаций появляется формат "мини-сторонности" в виде "треугольников" Япония – США – Р. Корея, Япония – США – Австралия (*А*), Япония – США – Индия (*Б*), а также Япония – КНР – Р. Корея (как "группа трех крупнейших соседних экономических держав"). Отмечается будущий вклад Японии в создание более институционализированной структуры в сфере безопасности в Восточной Азии[25].

В доктринальном документе по национальной оборонной политике 2019 г. неоднократно упоминается "открытый и свободный ИТР", а в разделе про оборонное сотрудничество после США отмечается важность сотрудничества с Австралией как на двусторонней основе, так и в формате Япония – Австралия – США; а также с Индией – как на двусторонней основе (включая диалог "2+2"), так и в формате Япония – Индия – США. Далее среди приоритетных партнеров упомянуты АСЕАН, Р. Корея и другие страны[26].

МИД Японии в разделе о "многоуровневом сотрудничестве в сфере безопасности" своего сайта, по состоянию на конец 2019 г. особо отмечает политико-военный диалог (2+2) с Индией, схожие консультации в треугольнике Япония – США – Р. Корея, в треугольнике Япония – США – Австралия (Трехсторонний стратегический диалог, *А*), Япония – США – Индия (*Б*),

---

[23] *Japan National Defense Program Guidelines for FY 2011 and Beyond.* Approved by the Security Council and the Cabinet on December 17, 2010. URL: https://www.mod.go.jp/e/d_act/d_policy/pdf/guidelinesFY2011.pdf (accessed 09.11.2019).

[24] Стрельцов Д.В. Япония: новая политика национальной безопасности. – *РСМД.* 05.02.2014. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yaponiya-novaya-politika-natsionalnoy-bezopasnosti/ (accessed 09.11.2019).

[25] *National Security Strategy.* 17.12.2013. URL: https://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-e.pdf (accessed 09.11.2019).

[26] *National Defense Program Guidelines for FY 2019 and Beyond*. Approved by the Security Council and the Cabinet on December 18, 2018. URL: http://www.cas.go.jp/jp/siryou/pdf/2019boueikeikaku_e.pdf (accessed 09.11.2019).

а также в рамках консультаций Япония – Австралия – Индия – США (т.е. фактически, "Квад"), для создания "сети мира и процветания в регионе"[27].

Анализ японских доктринальных документов в сфере безопасности 2011-2019 гг. показывает формирование тренда на выстраивание в ИТР "треугольников безопасности" с участием Японии и США, однако "Квад" как отдельный формат, так и не прописан. Возможно, это связано с нежеланием преуменьшать роль Японии как основного стратегического союзника США в регионе, равно как и провоцировать КНР [Панов, Нелидов 2018; Чугров 2008].

Продвижение "Свободного и открытого ИТР" через усиление связанности Азии и Африки становится первым приоритетом и в рамках японской политики сотрудничества в целях развития согласно доктринальному документу 2017 г. Особое внимание также уделяется борьбе с международным терроризмом и экстремизмом (в 2009 г. Япония открыла военную базу в Джибути, а также выделила 200 млн долл. США Египту на борьбу с терроризмом)[28]. В более ранних документах 2013-2016 гг. ИТР не фигурировал, а первым географическим приоритетом для японских программ помощи традиционно выступал регион Австралии и Океании[29].

Президент Японского агентства по международному сотрудничеству (*JICA*) С. Китаока особо отмечает, что "свободный и открытый ИТР" – это именно японское в*и*дение (которое позже стали разделять американцы), а не конкретная стратегия. Он признает, что оно направлено против КНР, но исключает острое противостояние Японии с Китаем. Для противодействия китайской инициативе "Один пояс – один путь" в 2015 г. Япония запускает "Партнерство для качественной инфраструктуры"[30] при поддержке Азиатского банка развития объемом в 100 млрд долл. США (в пику проектов АБИИ). Японцы существенно проигрывают КНР по экономическим параметрам при создании объектов инфраструктуры, поэтому делают акцент на качестве [Kitaoka 2019].

Австралия (III). В 2012 г. вышла Белая книга "Австралия в Азиатском веке", где стабильность в регионе увязывалась с отношениями между великими державами – КНР, Индией, Японией и США. Особо отмечалось налаживание приоритетного сотрудничества с Китаем[31].

В Стратегии национальной безопасности 2013 г. понятие "ИТР" только вводится и поясняется, что это новый термин, который объединяет Индийский океан и западную часть Тихого океана. Отмечается важность партнерства с США, а также с региональными державами – КНР, Индией, Индонезией, Японией и Р. Корея. Из форматов "мини-сторонности" присутствует лишь Трехсторонний стратегический диалог Австралия – Япония – США[32].

---

[27] Japan Security Policy. Multilayered Security Cooperation. – *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/nsp/page1we_000085.html (accessed 09.11.2019).

[28] Priority Policy for Development Cooperation. FY 2017. – *Ministry of Foreign Affairs of Japan. International Cooperation Bureau*. April 2017. URL: https://www.mofa.go.jp/files/000259285.pdf (accessed 09.11.2019).

[29] Priority Policy for Development Cooperation (Archives). – *Ministry of Foreign Affairs of Japan. International Cooperation Bureau*. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/oda/page23e_000435.html (accessed 09.11.2019).

[30] Announcement of "Partnership for Quality Infrastructure: Investment for Asia's Future". – *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. 21.05.2015. URL: https://www.mofa.go.jp/policy/oda/page18_000076.html (accessed 09.11.2019).

[31] Australia in the Asian century: White paper. – *Australian Government*. 29.10.2012. URL: https://www.defence.gov.au/whitepaper/2013/docs/australia_in_the_asian_century_white_paper.pdf (accessed 09.11.2019).

[32] *Strong and Secure: A Strategy for Australia's National Security 2013*. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/167267/Australia%20A%20Strategy%20for%20National%20Securit.pdf (accessed 09.11.2019).

ИТР – главный географический приоритет для военной стратегии Австралии. Он упомянут в Белой книге по обороне 2013 г. более полусотни раз, хотя и отмечается, что регион только формируется как "стратегическая система" [Medcalf 2014: 471-473]. В числе основных партнеров по обеспечению региональной безопасности названы США, КНР, Индия, Индонезия, Япония и Р. Корея. Особо отмечается необходимость развития стратегического партнерства с Индией и сотрудничества с другими державами "для противодействия пиратству и возможному соперничеству с великими державами, которые разворачивают военно-морские возможности в регионе"[33].

В Белой книге по обороне 2016 г. ИТР упоминается 70 раз, в том числе как "широкий ИТР" (*wider* или *broader*). Подчеркивается, что это центральный регион для национальной безопасности и экономического процветания Австралии. Ключевыми международными партнерами названы США, Н. Зеландия, Япония, Индонезия, Индия, Сингапур, Р. Корея и КНР. Отмечается, что Австралия будет работать вместе с США по стратегической ребалансировке для стабилизации ИТР, в том числе в формате Австралия – Япония – США (трехсторонние учения "Южный Жакару" *(Southern Jackaroo)*, Форум по безопасности и оборонному сотрудничеству). "Квад" в документе не упоминается. Всякий раз, когда перечисляются основные партнеры в сфере безопасности, среди них фигурирует КНР. Более того, отмечается необходимость усиливать оборонное сотрудничество с КНР[34].

В разделе "Индо-Тихоокеанские партнерства" Белой книги по внешней политике 2017 г. фиксируется необходимость взаимодействия с "индо-тихоокеанскими демократиями", такими как Япония, Индонезия, Индия и Р. Корея как в двустороннем формате, так и в рамках "малых группировок" (*smaller groupings*) с участием данных стран, в том числе в рамках треугольника Австралия – США – Япония (*А*), и отдельно (особо подчеркнуто!) – в рамках треугольника Австралия – Индия – Япония (*Г*). В документе также подчеркивается необходимость углубления сотрудничества с КНР[35].

Активное использование концепта ИТР в контексте внутренней политики расценивается как увеличение экономического и политического влияния Западной Австралии, обращенной к данному мегарегиону [Tyler, Bhutoria 2015: 226].

В доктринальных документах Австралии "Квад" не фигурирует ни в каком виде, и австралийцы стараются балансировать сотрудничество с США расширением взаимодействия с КНР, уделяя при этом особое внимание роли Индонезии. Они максимально заинтересованы в региональной стабильности, ведь через ЮКМ проходит большая часть товарооборота. Для страны с достаточно высокой внешнеторговой квотой (более 30%) характерно сопряжение внешнеторговых интересов с внешнеполитическими, за которые отвечает Министерство иностранных дел и торговли.

Индия (IV). Индия – страна с несколько иной стратегической культурой, не предполагающей жесткую фиксацию своих политических приоритетов.

[33] Defence White Paper 2013. – *Australian Government. Department of Defence.* URL: https://www.defence.gov.au/Whitepaper/2013/docs/WP_2013_web.pdf (accessed 09.11.2019).

[34] *Defense White Paper. Commonwealth of Australia. – Australian Government.* 2016. URL: https://www.defence.gov.au/WhitePaper/Docs/2016-Defence-White-Paper.pdf (accessed 30.10.2019).

[35] 2017 Foreign Policy White Paper. Opportunity, Security, Strength. – *TimeBase.* 29.11.2017. URL: https://www.timebase.com.au/news/2017/AT04505-article.html (accessed 30.10.2019).

У страны отсутствуют стратегия национальной безопасности и военная доктрина. В существующих документах (в Морской доктрине 2009 г.[36], а также в Объединенной доктрине ВС Индии 2015 г.[37]) не содержится упоминания основных внешнеполитических партнеров страны. Чуть более эксплицитной является Стратегия морской безопасности 2015 г., в которой не упоминается ни одна страна (кроме информации о совместных военно-морских учениях, в том числе с РФ), однако отмечено, что курс "Действуй на Востоке" (*Act East*) призван укрепить сотрудничество в сфере экономики и безопасности в ИТР. ИТР также упоминается несколько раз и в других контекстах, хотя главный акцент все-таки делается на регион Индийского океана [Roy-Chaudhury, de Estrada 2018: 184-186]. В стратегии также выделены первичные зоны морского интереса (побережье Индии, Бенгальский залив, Персидский залив, Аденский залив, Восточное побережье Африки и основные проливы) и вторичные зоны (юго-восточная и южная часть Индийского океана, западная часть Тихого океана, Средиземное море и Гвинейский залив)[38].

Страна традиционно воздерживается от присоединения к военным блокам ("стратегическая автономность"), что было подтверждено в 2012 г. в докладе влиятельных индийских исследователей "Неприсоединение 2.0". В докладе особо подчеркивается важность сохранения баланса в треугольнике Индия – США – КНР [Khilnani et al. 2012: 32]. В сентябре 2019 г. "на полях" ГА ООН страна приняла участие как в консультациях "Квад", так и в консультациях по линии БРИКС[39]. В регионе ЮВА приоритетным партнером Индии является АСЕАН, она поддерживает асеаноцентричные форматы безопасности [Канаев, Шумкова 2017] и не хотела бы педалировать создание им альтернативы [Roy-Chaudhury, de Estrada 2018: 183].

С начала 1990-х годов индийское правительство проводило курс "Смотри на Восток" (*Look East*), направленный на активизацию сотрудничества со странами ЮВА, а также Восточной Азии. Третьей фазой данной политики, запущенной правительством Н. Моди, стала инициатива "Действуй на Востоке" [Лебедева 2018: 521-531]. Курс "Смотри на Восток", принятый в том числе по итогам консультаций с лидером Сингапура Ли Кван Ю, был направлен на контрбалансирование КНР в регионе. К концу 1990-х годов приоритеты внешнего развития Индии были расширены и выделено три стратегических кольца: "непосредственное соседство" (Южная Азия), "расширенное (*extended*) соседство" (большая часть ИТР) и остальной мир [Chacko 2014: 442].

Подход к ИТР у Индии отличается от целостного американского и задается национальными приоритетами [Куприянов 2019]. Кроме того, Индия не в полной мере поддерживает "свободу мореплавания" и операции США против

[36] Indian Maritime Doctrine 2009. – *Indian Navy.* URL: https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian-Maritime-Doctrine-2009-Updated-12Feb16.pdf (accessed 01.11.2019).

[37] Joint Doctrine. Indian Armed Forces. Headquarters Integrated Defence Staff. – *Bharat Shakti*. URL: https://bharatshakti.in/wp-content/uploads/2015/09/Joint_Doctrine_Indian_Armed_Forces.pdf (accessed 18.10.2019).

[38] Ensuring Secure Seas. Indian Maritime Security Strategy. – *Indian Navy*. 2015. URL: https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian_Maritime_Security_Strategy_Document_25Jan16.pdf (accessed 18.10.2019).

[39] Chaudhury D. India's Fine Balancing Act with Quad and BRICS Meet in New York. – *The Economic Times*. 28.09.2019. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/indias-fine-balancing-act-with-quad-and-brics-meet-in-new-york/articleshow/71338616.cms (accessed 18.10.2019).

КНР в ЮКМ, так как придерживается схожего с Китаем принципа расширительного толкования территориальных вод и исключительной экономической зоны вокруг Андаманских и Никобарских островов [Pant, Rej 2018: 50-51].

В ответ на китайскую инициативу "Морского шелкового пути XXI века" Индия запустила ряд контринициатив, в том числе "Муссон" (*Mausam*), "Дорога специй" (*Spice Road*), "Безопасность и рост для всех" (*Sagar Mala*). Данные инициативы направлены на укрепление сотрудничества Индии со странами бассейна Индийского океана [Лебедева 2018: 527-528]. Вместе с тем Индия является членом АБИИ с января 2016 г.

Продвижение концепции ИТР в политический дискурс Индии и отход от традиционной политики неприсоединения и "расширенного соседства" обеспечиваются в большей степени посредством ряда мозговых центров, тесно интегрированных с США и Австралией [Chacko 2014: 444]. Тем не менее, частичная имплементация концепта ИТР уже произошла. Так, в речи на "Диалоге Шангри-Ла" в июне 2018 г. премьер-министр Н. Моди более десяти раз упомянул концепт ИТР[40].

УКРЕПЛЕНИЕ ДВУСТОРОННИХ ТРЕКОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

США – Япония (1). Япония остается одним из *ключевых* союзников США, как в региональном, так и глобальном масштабе. Сотрудничество Японии и США закреплено Договором о сотрудничестве и гарантиях безопасности 1960 г. В Японии расположена самая крупная военная база США за рубежом (39 345 человек)[41]. США и Япония регулярно проводят совместные учения.

США – Австралия (2). Сотрудничество в военной сфере США и Австралии развивается с момента подписания в 1951 г. Договора о безопасности между Австралией, Новой Зеландией и США *(ANZUS)*[42]. В 2014 г. США и Австралия подписали Соглашение о размещении вооруженных сил (*Force Posture Agreement*)[43]. Договоренность о размещении 2,5 тыс. американских военных в Дарвине была достигнута в ходе визита Б. Обамы в Австралию в ноябре 2011 г.

С 2005 г. один раз в два года проводятся американо-австралийские военно-морские учения "Талисман Сабр" (с участием Японии и Новой Зеландии); учения морских пехотинцев США и австралийской армии "Кулендонг"; совместные учения ротационных сил США, сил самообороны Японии и вооруженных сил Австралии "Южный Джакаро" (треугольник *A*); учения ВВС "Алмазная буря"; совместные учения США, Филиппин и Австралии "Карабару"[44]. С 2014 г. Австралия ежегодно участвует в совместно американо-филиппинских учениях "Баликатан" в ЮКМ.

---

[40] Keynote Speech by Shri Narendra Modi, Prime Minister of India. – *International Institute for Strategic Studies*. 01.06.2018. URL: https://www.iiss.org/-/media/images/dialogues/sld/sld-2018/documents/narendra-modi-sld18.pdf?la=en&hash=522CA08245CC4EC79C601DC4939171A7170BC9BA (accessed 30.10.2019).

[41] Desjardins J. US Military Deployment by country. – *Visual Capitalist*. 18.03.2017. URL: https://www.visualcapitalist.com/u-s-military-personnel-deployments-country/ (accessed 30.10.2019).

[42] Security Treaty between Australia, New Zealand and the United States of America [ANZUS], 1951. – *Australasian Legal Information Institute*. URL: http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/1952/2.html (accessed 30.10.2019).

[43] U.S.-Australia Force Posture Agreement. – *Australasian Legal Information Institute*. 12.08.2014. URL: http://www.austlii.edu.au/au/other/dfat/treaties/ATS/2015/1.pdf (accessed 30.10.2019).

[44] Marine Rotational Force. – *Darwin*. URL: https://www.defence.gov.au/Initiatives/USFPI/Marines.asp (accessed 30.10.2019).

США – Индия (3). США и Индия не имеют договора о совместных действиях в сфере безопасности, однако уже подписали три из четырех наиболее важных "технических" соглашения для военного сотрудничества: Соглашение об обмене информацией военного характера (*GSOMIA*) в 2002 г.; Меморандум о соглашении по логистическому обмену (*LEMOA*) в августе 2016 г. (позволяет использовать военные базы друг друга для заправки) и Соглашение о совместимости средств связи и безопасности (*COMCASA*) в сентябре 2018 г. [Roy-Chaudhury, de Estrada 2018: 189]. В ходе визита Б. Обамы в Индию в январе 2015 г. стороны подписали "Совместное стратегическое видение США – Индии для АТР и региона Индийского океана", в котором выразили намерение поддерживать свободу навигации в ЮКМ, а также развивать "трехсторонние консультации с третьими странами в регионе"[45].

С 1992 г. стороны проводят совместные военные учения "Малабар" (в 2018 г. учения впервые прошли уже в США), с 2015 г. к участию в них на постоянной основе присоединилась Япония (треугольник *Б*).

В СНБ США 2017 г. Индия провозглашалась главным партнером США в Индо-Тихоокеанском регионе[46]. Индия является одним из крупнейших импортеров американского вооружения и в 2016 г. получила статус основного оборонного партнера (*major defense partner*). Стратегическое сопряжение политики США и индийской "Делай на Востоке" позволяет нейтрализовать продвижение Китая в сторону африканского побережья. Проецирование Индией своей силы на юг, в том числе в рамках учений "ИБСАМАР" [Куприянов, 2018], способствуют формированию Южного пояса безопасности.

Между США и Индией начались политико-дипломатические консультации (2+2), однако отмечается расхождение позиций по ряду вопросов. Будучи в "Квад", Индия не отказывается от участия в БРИКС, а недавно вошла и в ШОС, что рассматривает как проявление своей "стратегической автономности" [Prasad 2019]. Индию не устраивает ужесточение позиции США по отношению к Ирану, так как с данной страной реализуется ряд совместных инфраструктурных проектов. Также ее не устраивает слишком тесное взаимодействие США с Пакистаном. Кроме того, зона ответственности Индо-Тихоокеанского командования США не включает территории на запад от Индии, в том числе Пакистан и Персидский залив (зона ответственности Центрального командования). Встает вопрос координации действий ВМС Индии сразу с двумя командованиями США [Pant, Rej 2018: 56-58].

Австралия – Япония (4). Сотрудничество Японии и Австралии в сфере безопасности развивается пропорционально расширению влияния КНР в регионе. Активизация взаимодействия произошла после подписания в 2007 г. Совместной декларации Японии и Австралии о сотрудничестве в сфере безопасности[47]. Это важный итог работы по сближению двух стран, активным сторонником которого является Дж. Говард, премьер-министр Австралии в 1996-2007 гг.

---

[45] US–India Joint Strategic Vision for Asia-Pacific and Indian Ocean Region. – *The White House. President Barack Obama*. 25.01.2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2015/01/25/us-india-joint-strategic-vision-asia-pacific-and-indian-ocean-region (accessed 30.10.2019).

[46] US National Security Strategy. – *The White House*. 2017. URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf (accessed 01.11.2019).

[47] Japan-Australia Joint Declaration on Security Cooperation. – *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. 2017. URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/australia/joint0703.html (accessed 03.11.2019).

В последние годы стороны регулярно проводят консультации в формате 2+2. В 2013 г. вступили в силу двусторонние соглашения об информационной безопасности *(ISA)* и о закупках и перекрестном обслуживании (*ACSA*). С 2009 г. проводятся совместные военно-морские учения "Ничи Го Трайдент" [Ishihara 2013].

Отношения Японии и Австралии имеют характерную для "квазиальянса"[48] структуру, так как оформление полноценного союза может спровоцировать Китай [Satake, Hemmings 2018]. В то же время Австралия не желает быть втянутой в решение проблем региональной безопасности в Восточной Азии, в частности к этому можно отнести территориальные споры Японии с КНР и РФ, а также ситуацию на Корейском полуострове. В ряде случаев сотрудничество в рамках обеспечения региональной безопасности осуществляется непосредственно через США как общего союзника.

Япония – Индия (5). Двусторонние отношения Индии и Японии с 2006 г. перешли в статус "глобального и стратегического партнерства" [India and Japan... 2018], в основе которого лежит Соглашение о глобальном индийско-японском партнерстве в XXI в. от 2000 г. Через два года страны подписали Совместную декларацию о сотрудничестве в сфере безопасности, в которой были обозначены контуры и механизмы деятельности двух стран в этом направлении. Особое внимание Япония и Индия уделяют свободе судоходства, в преамбуле к декларации заявлено о заинтересованности в сохранении безопасности морских путей сообщений[49]. Сотрудничество с Индией поддерживает правое крыло Либерально-демократической партии Японии, усматривая в этом возврат к паназиатской миссии страны [Ishibashi 2017].

В 2015 г. Индия и Япония вновь подтвердили приверженность "глобальному и стратегическому партнерству" и опубликовали совместное "Видение специального стратегического и глобального партнерства 2025", в котором заявили, что структура безопасности в ИТР должна строиться с опорой на региональные межправительственные организации, такие как АСЕАН и АТЭС[50]. С 2012 г. стороны проводят совместные военно-морские учения *JIMEX*, а с 2015 г. Япония участвуют в индо-американских учениях "Малабар". Более того, в 2019 г. учения прошли на территории Японии.

Сотрудничество Индии и Японии не сводится к военно-политической сфере. В мае 2017 г. стороны запустили совместную инициативу "Коридор роста Азия – Африка" (*AAGC*), о чем было заявлено в декларации в ходе визита Н. Моди в Японию в ноябре 2016 г.[51] Сопряжение индийской инициативы

[48] Термин "квазиальянс" (*quasi-alliance*) был введен в оборот бывшим директором азиатского департамента Совета национальной безопасности США Виктором Чха. Данный термин означает состояние, когда между двумя странами не заключен союз, но в то же время они имеют общего союзника. Изначально В. Чха применял этот термин к характеристике отношений США, Южной Кореи и Японии [Cha 1999].

[49] Joint Declaration on Security Cooperation between Japan and India. – *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. 2014. URL: https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/india/pmv0810/joint_d.html (accessed 03.11.2019).

[50] Japan and India Vision 2025 Special Strategic and Global Partnership Working Together for Peace and Prosperity of the Indo-Pacific Region and the World. – *Ministry of Foreign Affairs of Japan*. 2015. URL: https://www.mofa.go.jp/s_sa/sw/in/page3e_000432.html (accessed 03.11.2019).

[51] India-Japan Joint Statement during the visit of Prime Minister to Japan. – *Ministry of External Affairs. Government of India*. 11.11.2016. URL: https://mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/27599/IndiaJapan+Joint+Statement+during+the+visit+of+Prime+Minister+to+Japan (accessed 03.11.2019).

"Действуй на Востоке" и японской "Партнерство для качественной инфраструктуры" позволит совместными усилиями противостоять китайскому "Морскому поясу шелкового пути": японцы будут предоставлять технологии и финансирование, индийцы загрузят портовую инфраструктуру в рамках своих интенсивных торговых связей со странами региона.

Японцы не хотят передавать созданные при их участии объекты инфраструктуры местным властям, если есть хотя бы малейшая угроза дальнейшего их приобретения китайцами [Kitaoka 2019]. Однако загрузить самостоятельно такие порты они также не в состоянии. По сути, "инфраструктурная война" между КНР и коалицией из Японии – Индии (и "пастухом" в виде США) дошла уже и до Восточной Африки [Korybko 2018].

Австралия – Индия (6). В 2009 г. Австралия и Индия подписали Совместную декларацию о сотрудничестве в сфере безопасности, которой предшествовал Меморандум о сотрудничестве в сфере обороны 2006 г. В декларации было заявлено о совместных интересах государств в сфере обеспечения морской безопасности[52]. В том же году отношения Австралии и Индии были повышены до уровня стратегического партнерства [Thakur, Sharma 2018]. В 2014 г. стороны подписали рамочный документ о сотрудничестве в сфере безопасности, предполагающий координацию усилий в сфере обороны, борьбы с терроризмом, защиты побережья, разоружения, миротворчества и др.[53]. Стороны проводят консультации в формате 2+2.

С 2003 г. Австралия регулярно принимает участие в международных военно-морских учениях "Милан", проводимых Индией в районе Андаманских и Никобарских островов. Австралия приняла участие в учениях "Малабар" лишь один раз (в 2007 г.), что привело к протесту со стороны КНР. В 2017-2018 гг. Индия сама отклоняла просьбы об участии Австралии в учениях [Choong 2019: 6-7]. С 2015 г. Австралия и Индия также проводят совместные военно-морские учения *AUSINDEX*.

Стороны по-разному воспринимают роль КНР – Австралия более лояльно относится к усилению китайского влияния в Индийском океане и выступает за инклюзивный его статус (против доминирования Индии), в том числе за возможность приглашения Китая в Морской симпозиум Индийского океана. Это обусловливает пределы "стратегической конвергенции" двух стран в "Квад" [Tyler, Bhutoria 2015].

ДАЛЬНЕЙШАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ "КВАД"

Проведенный анализ показывает, что на данный момент не все страны – участницы "Квад" завершили оформление стратегического партнерства. Отсутствие в настоящее время отношений стратегического партнерства между Австралией и Японией, а также между США и Индией не должно вводить в заблуждение, так как взаимодействие в данных "диадах", в том числе военное сотрудничество, поступательно развиваются, однако пока не воспринимаются как стратегическое взаимодействие.

---

[52] PA5009 India-Australia Joint Declaration on Security Cooperation. – *Australian High Commission*. 12.11.2009. URL: https://india.embassy.gov.au/ndli/pa5009jsb.html (accessed on 03.11.2019).

[53] Framework for Security Cooperation between Australia and India 2014. – *Australian Government.* 18.11.2014. URL: https://www.dfat.gov.au/geo/india/Pages/framework-for-security-cooperation-between-australia-and-india-2014 (accessed 03.11.2019).

Изначально "Квад" создавался по инициативе С. Абэ, однако в дальнейшем США "перехватили" эту повестку. Стимулируя последовательное укрепление отношений в рамках треугольников *А*, *Б*, *В* и *Г* посредством подписания соглашений, совместных военных учений, интенсификации политического диалога, США ведут дело к институционализации "Квад" как ведущего формата для продвижения своих интересов в регионе и контрбалансирования КНР (прообраз "азиатского НАТО"). В доктринальных документах всех стран в той или иной степени уже имплементирован концепт ИТР и идет "стадия принятия" собственно концепта "Квад". В данный момент в рамках "четверки" проходят политические и военные консультации, обмен информацией и поиск согласованных решений по вопросу обеспечения безопасности морских путей и развитию транспортной инфраструктуры в мега-регионе ИТР.

Все четыре страны разделяют общее видение баланса сил в регионе и не скрывают, что первопричиной расширения многостороннего сотрудничества является усиление влияния Китая. При этом страны Азии, в отличие от США, выступают за более инклюзивный характер "Свободного и открытого ИТР", с возможностью постепенной интеграции КНР и при подчеркнутом сохранении роли АСЕАН, которая географически находится в центре данного региона.

В перспективе, по мере дальнейшей институционализации "четверки" как примера узкого многостороннего формата взаимодействия в регионе, будет сохраняться неформальный характер объединения, которое в большей степени призвано координировать действия участников в военно-политической, а также в экономической сферах.

DOI: 10.17976/jpps/2020.03.03

"QUAD 2.0": QUADRILATERAL DIALOGUE FOR COUNTERBALANCING CHINA IN THE INDO-PACIFIC

A.V. Khudaykulova[1], M.S. Ramich[2]

[1]Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia

[2]Peoples' Friendship University of Russia. Moscow, Russia

KHUDAYKULOVA, Alexandra Victorovna, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Associate Professor, Department of Applied International Analysis, MGIMO University, email: alexandra_77@mail.ru; **RAMICH, Mirzet Safetovich,** postgraduate student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, email: ramich_ms@mail.ru

Khudaykulova A.V., Ramich M.S. "Quad 2.0": Quadrilateral Dialogue for Counterbalancing China in the Indo-Pacific. – Polis. Political Studies. 2020. No. 3. P. 23-43. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.03.03

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 19-011-31389 "Traditional and emerging powers: discussions on sovereignty and conflict management".

Received: 01.12.2019. Accepted: 25.12.2019

Abstract. "Free and Open Indo-Pacific" (FOIP) is a US foreign policy concept. Its implementation started with President Trump's administration coming to power and is being actively promoted now. The concept has a strong geostrategic orientation and relies on the largest regional powers of Japan, Australia and India, – the closest partners of Washington in the region. Despite the ongoing differences in setting the priorities of a new regional security structure, members of "Quad" are mostly concerned about China's growing economic influence and potential military dominance, not only in the Asia-Pacific region, but also in the Indian Ocean. Therefore, the general basis of the Quadrilateral security dialogue in the Indo-Pacific region would be the deterrence of Chinese power and the maintenance of the regional balance of power. The IPR concept is currently at the institutionalization stage. At the same time, the

stable trend for strengthening economic, military and political interaction between "Quad" members is continuously developing, regardless of their vision of the framework and the pace of its implementation. In such conditions, the issues of the development of the Indo-Pacific region and the prospects for the further formation of this "Security Diamond" will remain the highest agenda, especially as there are no clear prerequisites for easing U.S.-Chinese tensions. This article analyzes the formation of the IPR as a new geopolitical region, examines changes in doctrinal documents and the dynamics of bilateral relations among "Quad" members, and proposes a forecast for the design of a new regional security system.

Keywords: Indo-Pacific region, APR, Quad, USA, Australia, India, Japan, security community, balance of power, federated defence, minilateralism, Maritime Silk Road, strategic deterrence.

References

Brummer Ch. 2014. *Minilateralism. How Trade Alliances, Soft Law and Financial Engineering are Redefining Economic Statecraft. Cambridge: Cambridge University Press.*

Buzan B., Wæver O. 2003. *Regions and Powers: The Structure of International Society*. Cambridge: Cambridge University Press.

Cha V.D. 1999. *Alignment Despite Antagonism: The US–Korea–Japan Security Triangle*. Stanford, CA: Stanford University Press.

Chacko P. 2014. The Rise of the Indo-Pacific: Understanding Ideational Change and Continuity in India's Foreign Policy. – *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 68. No. 4. P. 433-452. http://dx.doi.org/10.1080/10357718.2014.891565

Choong W. 2019. The Return of the Indo-Pacific Strategy: An Assessment. – *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 73. No. 5. P. 415-430. https://doi.org/10.1080/10357718.2019.1639134

Clinton H. 2011. America's Pacific Century. – *Foreign Policy*. 11.10. URL: https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/ (accessed 25.03.2020).

Gopal P. 2017. Maritime Security in the Indo-Pacific: The Role of the US and its Allies. – *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*. Vol. 13. No. 1. P. 27-40. https://doi.org/10.1080/09733159.2017.1321208

Green M., Hicks K., Cooper Z. 2014. *Federated Defense in Asia*. Report. CSIS, December 2014.

Green M., Shearer A. 2012. Defining U.S. Indian Ocean Strategy. – *The Washington Quarterly*. Vol. 35. No. 2. P. 175-189. http://dx.doi.org/10.1080/0163660X.2012.666925

Hosoya Y. 2019. FOIP 2.0: The Evolution of Japan's Free and Open Indo-Pacific Strategy. – *Asia-Pacific Review*. Vol. 26. No. 1. P. 18-28. https://doi.org/10.1080/13439006.2019.1622868

India and Japan. Assessing the Strategic Partnership. 2018. Ed. by R. Basrur, S.N. Kutty. Singapore: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-981-10-8309-9

International Disaster Response. Rebuilding the Quad? 2019. Ed. by Tatsumi Y., Li J. Stimson Center. URL: https://www.stimson.org/wp-content/files/file-attachments/Quad-R4-WEB.pdf (accessed 20.04.2020).

Ishibashi N. 2017. Japan's Policy Toward India Since 2000: For the Sake of Maintaining US Leadership in East Asia. – *The Pacific Review*. Published online. http://dx.doi.org/10.1080/09512748.2017.1396355

Ishihara Y. 2013. Japan-Australia Security Relations and the Rise of China: Pursuing the "Bilateral-Plus" Approaches. – *UNISCI Discussion Papers*. No. 32. P. 81-98. http://dx.doi.org/10.5209/rev_UNIS.2013.n32.4479

Kaplan R. 2010. *Monsoon: The Indian Ocean and the Future of American Power*. New York: Random House.

Khilnani S., Kumar R., Mehta P.B., Menon P., Nilekani N., Raghavan S., Saran Sh., Varadarajan S. 2012. *NonAlignment 2.0. A Foreign and Strategic Policy for India in the 21 century*. Center for Policy Research.

Khudaykulova A.V. 2019. China as an Emerging Actor in Conflict Management: From Non-Interference to "Constructive Engagement". – *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 19. No. 3. P. 580-602. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-420-431

Khurana G.S. 2007. Security of Sea Lines: Prospects for India-Japan Cooperation. – *Strategic Analysis*. Vol. 31. No. 1. P. 139-153. https://doi.org/10.1080/09700160701355485

Kitaoka Sh. 2019. Vision for a Free and Open Indo-Pacific. – *Asia-Pacific Review*. Vol. 26. No. 1. P. 7-17. https://doi.org/10.1080/13439006.2019.1618592

Korybko A. 2018. The Competition Between China and India in East Africa As Expressed Through the Rival Silk Road and Asia-Africa Growth Corridor Projects. – *The Turn of Africa to the East and Russia's interests*. Moscow: Institute of African Studies. P. 97-112.

Medcalf R. 2014. In Defence of the Indo-Pacific: Australia's New Strategic Map. – *Australian Journal of International Affairs*. Vol. 68. No. 4. P. 470-483. http://dx.doi.org/10.1080/10357718.2014.911814

Pant H.V., Rej A. 2018. Is India Ready for the Indo-Pacific? – *The Washington Quarterly*. Vol. 41. No. 2. P. 47-61. https://doi.org/10.1080/0163660X.2018.1485403

Patrick S. 2014. The Unruled World. The Case for Good Enough Global Governance. – *Foreign Affairs*. Vol. 93. No. 1. P. 58-73.

Rai A. 2018. Quadrilateral Security Dialogue 2 (Quad 2.0) – a Credible Strategic Construct or Mere "Foam in the Ocean"? – *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*. Vol. 14. No. 2. P. 138-148. https://doi.org/10.1080/09733159.2019.1572260

Roy-Chaudhury R., de Estrada K.S. 2018. India, the Indo-Pacific and the Quad. – *Survival*. Vol. 60. No. 3. P. 181-194. https://doi.org/10.1080/00396338.2018.1470773

Satake T., Hemmings J. 2018. Japan–Australia Security Cooperation in the Bilateral and Multilateral Contexts. – *International Affairs*. Vol. 94. No. 4. P. 815-834. https://doi.org/10.1093/ia/iiy028

Security Communities. 1998. Ed. by E. Adler, M. Barnett. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511598661

Scott D. 2012. The "Indo-Pacific" – New Regional Formulations and New Maritime Frameworks for US-India Strategic Convergence. – *Asia-Pacific Review*. Vol. 19. No. 2. P. 85-109. http://dx.doi.org/10.1080/13439006.2012.738115

Thakur R., Sharma A. 2018. India in Australia's Strategic Framing in the Indo–Pacific. – *Strategic Analysis*. Vol. 42. No. 2. P. 69-83. https://doi.org/10.1080/09700161.2018.1439328

Thankachan Sh. 2017. Japan's "Free and Open Indo-Pacific Strategy": Reality before the Rhetoric? – *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*. Vol. 13. No. 2. P. 84-91. https://doi.org/10.1080/09733159.2017.1414831

Tyler M.H.C., Bhutoria A. 2015. Diverging Australian and Indian Views on the Indo-Pacific. – *Strategic Analysis*. Vol. 39. No. 3. P. 225-236. http://dx.doi.org/10.1080/09700161.2015.1022314

Walt S. 1987. *The Origins of Alliances. London: Cornell University Press.*

Waltz K. 1979. Theory of International Politics. Boston: McGraw-Hill.

Bogaturov A.D. 1997. *Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle Vtoroi mirovoi voiny (1945-1995)* [Great Powers in the Pacific. The History and Theory of International Relations in East Asia After the Second World War (1945-1995)]. Moscow: Konvert-MONF. (In Russ.)

Chugrov S.V. 2008. Japan: Hybridization and Harmonization. – *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 59-67. (In Russ.) URL: https://www.politstudies.ru/article/3987 (accessed 04.02.2020).

Istomin I.A. 2017. Western Theory of International Military Alliances. The State of the Discipline. – *International Trends*. Vol. 15. No. 4. P. 93-114. (In Russ.) https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.4.51.6

Istomin I.A. 2019. *Politika SShA v Indo-Tikhookeanskom Regione: Posledstviya Dlya Rossii*. Rabochaya Tetrad' RSMD № 49 [US Policy in the Indo-Pacific Region: Implications for Russia. RIAC Workbook No. 49]. Moscow: NP RIAC. 44 p. (In Russ.)

Kanaev E.A., Shumkova V.A. 2017. ASEAN-led Multilateral Security Dialogue: Eurasian Priorities. – *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 17. No. 3. P. 458-468. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-3-458-468

Kaplan R.D. Indian Ocean and the Future of American Power. (Russ. ed.: Kaplan R.D. *Musson: Indiiskii okean i budushchee amerikanskoi politiki*. Moscow: KoLibri, Azbuka-Atikus).

Karimova A.B. 2019. Connecting the Indian and the Pacific, or Influence Tools Modernization. – *World Economy and International Relations*. Vol. 63. No. 6. P. 13-24. (In Russ.). https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-6-13-24

Kistanov V.O. 2018. Japan's Anti-China Strategy in the Indo-Pacific Region. – *Actual Problems of Modern Japan*. No. 32. P. 31-44. (In Russ.)

Kupriyanov A.V. 2018. IBSAMAR: India's Imperatives, Transformation Prospects. – *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 18. No. 3. P. 628-641. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-628-641

Kupriyanov A.V. 2019. Geopolitics of the Sea: the Idea of Ocean Control in the Political Discourse of Independent India. – *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 19. No. 2. P. 234-246. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-234-246

Lebedeva N.B. 2018. *Indiiskii okean: vyzovy XXI v. i Indiya. Ocherki mezhdunarodnykh otnoshenii* [Indian Ocean: Challenges of the 21st Century and India. Essays on International Relations]. Moscow: IV RAN. (In Russ.)

Leksyutina Y.V. 2019. China in D. Trump's Free and Open Indo-Pacific Strategy. – *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 19. No. 1. P. 22-34. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-22-34

Lokshin G.M. 2018. Trump''s Doctrine as a Course to Create a New Bloc in Asia. – *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 3. P. 4-16. (In Russ.)

Panov A.N., Nelidov V.V. 2018. Japan's Foreign Policy in the Context of Military-Political Situation in North East Asia. – *Japanese Studies in Russia*. No. 4. P. 78-91. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2500-2872-2018-10029

Patrick S. 2015. *Vybor à la carte: novyi mir global'nogo upravleniya*. Valdaiskie zapiski № 22 [À La Carte Choice: A New World of Global Governance. Valdai Notes No. 22.]. (In Russ.) URL: https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-22/ (accessed 04.02.2020).

Reformatting the System of International Relations in Pacific Asia: Vectors and Dynamics of Changes (Part I). 2018. – *World Economy and International Relations*. Vol. 62. No. 12. P. 100-108. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-12-100-108

Reformatting the System of International Relations in Pacific Asia: Vectors and Dynamics of Changes (Part II). 2019. – *World Economy and International Relations*. Vol. 63. No. 1. P. 112-122. (In Russ.) https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-112-122

Strel'tsov D.V. 2018. Indo-Pacific Region as a New Reality of the Global System of International Relations. – *The International Affairs*. No. 9. P. 65-74. (In Russ.)

Литература на русском языке

Богатуров А.Д. 1997. *Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995)*. М.: Конверт-МОНФ.

Истомин И.А. 2017. Современная западная теория военно-политических альянсов. Достижения и лакуны. – *Международные процессы*. Т. 15. № 4. С. 93-114. https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.4.51.6

Истомин И.А. 2019. *Политика США в Индо-Тихоокеанском регионе: последствия для России*. Рабочая тетрадь РСМД № 49. М.: НП РСМД. 44 с.

Канаев Е.А., Шумкова В.А. 2017. Евразийские приоритеты асеаноцентричных диалоговых форматов по вопросам безопасности. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 17. № 3. С. 458-468. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-3-458-468

Каплан Р. 2015. *Муссон: Индийский океан и будущее американской политики*. М.: КоЛибри, Азбука-Атикус.

Каримова А.Б. 2019. Связывая Индийский с Тихим, или модернизация инструментов влияния. – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 6. С. 13-24. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-6-13-24

Кистанов В.О. 2018. Антикитайская стратегия Японии в Индо-Тихоокеанском регионе. – *Актуальные проблемы современной Японии*. № 32. С. 31-44.

Куприянов А.В. 2018. Учения IBSAMAR: императивы Индии и перспективы трансформации. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 18. № 3. С. 628-641. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-3-628-641

Куприянов А.В. 2019. Геополитика моря: идея контроля над океаном в политическом дискурсе независимой Индии. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 19. № 2. С. 234-246. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-234-246

Лебедева Н.Б. 2018. *Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия. Очерки международных отношений*. М.: ИВ РАН.

Лексютина Я.В. 2019. Роль Китая в стратегии "Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион" Д. Трампа. – *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 19. №. 1. С. 22-34. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-22-34

Локшин Г.М. 2018. Доктрина Трампа – курс на создание нового блока в Азии. – *Проблемы Дальнего Востока*. № 3. С. 4-16.

Панов А.Н., Нелидов В.В. 2018. Внешняя политика Японии в контексте военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии. – *Японские исследования*. № 4. С. 78-91. https://doi.org/10.24411/2500-2872-2018-10029

Патрик С. 2015. *Выбор à la carte: новый мир глобального управления*. Валдайские записки № 22. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-22/ (accessed 04.02.2020).

Переформатирование системы международных отношений в Тихоокеанской Азии: векторы и динамика изменений (часть I). 2018. – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 62. № 12. С. 100-108. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-12-100-108

Переформатирование системы международных отношений в Тихоокеанской Азии: векторы и динамика изменений (часть II). 2019. – *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 1. С. 112-122. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-112-122

Стрельцов Д.В. 2018. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений. – *Международная жизнь*. № 9. С. 65-74.

Чугров С.В. 2008. Япония: гибридизация и гармонизация. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 59-67. URL: https://www.politstudies.ru/article/3987 (accessed 04.02.2020).